

169683

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
Москва, Лубянский Пассаж, пом. 53, 54. Тел. 5-04-51

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА. КН. 10.

С. Г. ПЕТРОВ.

ОТЕЦ РУССКОГО
РАЦИОНАЛЬНОГО
ПЧЕЛОВОДСТВА

Александр Михайлович
БУТЛЕРОВ.

(БИОГРАФИЯ).

Благодаря ему и только одному
ему пчеловодство пробудилось
от векового сна и сделало большие
успехи за пятнадцать лет его
деятельности на этом поприще.

В. И. Подольский.

МОСКВА. — 1925.

1965 г.

Б. С. С. Р.
Дзяржаўная бібліятэка
імя В. І. Леніна
№ 864

Москва. Главлит 35823. 1925 г. Тираж 5000 экз.
Калуга. 1-я Государ. типо-литография

Q 16968.3

Настоящий труд,
в зна глубокой
признапельности,
ПОСВЯЩАЮ
моему учителю
пчеловодства
Николаю Павловичу
ЛАТУШКИНУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Глава I. Детство и юность А. М. Бутлерова (поступление в университет, экспедиция 1846 г., дружба с Пятницким и Вагнером, профес. Клаус и Зинин, развлечения)	9
„ . Бутлеров как химик (оставление при университете, магистр химии, доктор химии, экстра-ординарный профессор, 1-ая поездка за границу и ее результаты, лаборатория химии в Казанском университете, 2-я заграничная поездка, 3-ая заграничная поездка, ректорство в Казанском университете, перевод в Петроградскую академию, значение Бутлерова в науке).	17
„ III. Бутлеров в деревне (Бутлеровка, занятия в деревне, характер А. М., знакомство с пчелами, гнилец, влияние на А. М. немецких пчеловодов).	29
IV. Литературная деятельность Бутлерова по пчеловодству (доклад 25 ноября 1871 г. и его последствия. История период. литер., отдел пчеловодства в „Трудах И. В. Э. О.“, „Русский пчеловодный Лист“, неперіодическая литература).	40
„ V. Пчеловодная деятельность Бутлерова (положение в И. В. Э. О., поездка на Кавказ, вторая поездка на Кавказ, Пражская выставка пчеловодства, пчеловодные школы, Всероссийская выставка 1882 года, организация отдела пчеловодства при И. Р. О. А. Ж и Р., вопрос о фальсификации воска).	50
„ VI. Кончина Бутлерова и печаль пчеловодов	63

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Всякому пчеловоду, любящему свое дело интересно знать как и кем развивалось пчеловодство, т.-е. историю пчеловодства и биографии видных деятелей на ниве пчеловодства. К сожалению, в русской пчеловодной литературе мало уделяется внимания этим вопросам, особенно второму. Немного биографических данных встречается еще в периодической литературе, но эта литература за прежние годы доступна лишь немногим.

Мне пришла мысль заполнить хотя бы отчасти этот существенный пробел, написав несколько биографий видных пчеловодов по возможности с разбором их деятельности. Первой попыткой такого рода и является настоящая биография отца русского рационального пчеловодства Александра Михайловича Бутлерова.

Во всякой работе возможны ошибки и заблуждения. От них наверное не свободен и настоящий скромный труд, а потому за всякого рода указания и поправки приношу наперед искреннюю благодарность.

Письма прошу адресовать: гор. Кашира, Московской губ., ольничная ул., д. 25, Сергею Гавриловичу Петрову.

Г. Кашира, Моск. губ.

0. Петров.

15 янв. 1924 год.

I.

Александр Михайлович Бу т л е р о в родился 25 августа 1828 года в Чистополе, уездном городе Казанской губ. Матери лишился 11 дней. Как на причину ее смерти одни из современников указывают на испуг, а другие связывают смерть с не совсем удачно прошедшими родами.

Ал. Мих. был взят на воспитание дедушкой и бабушкой, по матери, Стрелковыми в деревню Шаптал, где находился до 8 лет.

С малых лет А. М. проявлял необыкновенную любознательность. Всякую интересную игрушку он старался разобрать или сломать, чтобы добраться до ее сути. Любимой его игрой была игра в к-тора, причем доктором он был сам, а наиболее частым рецептом от всех болезней была ложка варенья.

8 лет А. М. был отдан в пансион Топорнина, откуда уже перешел в 3-й или -й класс 1-ой К а з а н с к о й гимназии, в которой и обучался до 1844 года. Учился он без репетиторов, а накануне экзаменов, по свидетельству Россоловского, занимался фейерверками, был очень спокоен, от-лично выеинался, н го время, как о говаривали все

почти напролет готовились к экзаменам,—и получал пятерки.

Интересно отметить, что несмотря на всю живость своего характера, А. М. никогда не танцевал и не брал в руки карт.

В 1845 году А. М. поступает на первый курс естественного разряда физико-математического факультета Казанского университета. Естественный разряд им был выбран потому, что естественные науки привлекали его с детства, и эта страсть не оставляла его до смерти. 13 лет в письме к отцу он писал: „я желал бы встретить старость и смерть мирно, окруженный *сельскими занятиями*, оставив по себе память добра и пользы ближним". В университете он между оконных рам выкармливал заморских мышей, черепах, привезенных из Оренбургской губ., выводил бабочек, составлял коллекции бабочек и т. д. В 1890 г. в Казанском университете еще была цела богатая коллекция бабочек, собранная А. М.

Весной 1846 года из Казанского университета в Киргизские степи отправилась ученая экспедиция под начальством проф. минералогии и сравнительной анатомии П. И. Вагнера, приват-доцента и лаборанта М. Я. Киттары и из нескольких студентов, в том числе и А. М. Бутлерова. Главной задачей экспедиции было собирание растений. Бутлеров был страстным охотником, из за этой цели он и поехал с экспедицией тем более, что ехал на свои средства и участия в собирании растений он проявлял весьма мало. А. М. был несколько

близорук и на кенедпци всегда носил очки, но очевидно они были для него слабы, т. к. вдаль он видел плохо. Дома он ходил на охоту с собакой, а в этой эскурсии с ним на охоту постоянно ходил человек, который заменял ему глаза, постоянно указывал ему животных или птиц. Сценку из такой охоты с человеком вместо собаки мы находили в книжке Н. П. Вагнера „Воспоминания об А. М. Бутлерове“.

— „Вон, вон, Александр Михайлович, вон за кусточком полны сидит. Эвона!

— Где? Где?.. с жаром охотника накидывается А. М.

— Вот! Вот!.. Глядите! Глядите!

— Где!? Где!? Где!?

— Вот! Вот! Вот!

Наконец, птица слетает и А. М. пускает ей в догонку пуделя”

В конце лета в Гурьеве Бутлеров тяжело заболел. Проф. Вагнер с трудом доставил больного в Симбирск, куда был вызван отец Бутлерова. Благодаря внимательному уходу А. М. одолел недуг, но его отец заразился от него тифом, не вынес и скончался в своей деревне. Таким образом, А. М. единственный сын своих родителей послужил причиной смерти их обоих. Сам А. М. хотя и поборол недуг, но вышел из этой борьбы неузнаваемым; бессознательность и упадок умственных сил породили слух, что он впал в детство. Болезнь помешала ему посещать лекции в 1 полугодие и он решил остаться на второй год на 1 курсе.

В университете Бутлеров сошелся с Дм. Пятницким и Н. П. Вагнером (будущим проф. Зоологии). Все трое были неразлучными друзьями, вместе занимались, вместе забавлялись, даже на лекциях сидели всегда рядом на одной скамье. „Бутлеров был довольно высокого роста и крепко сложенный сангвиник, блондин с голубыми, немного прищуренными глазами, довольно длинным, несколько красноватым носом, с выдававшимся подбородком и с постоянной приветливой улыбкой на румяных тонких губах". Пятницкий был тоже атлетического сложения и еще выше его. Внешность же Вагнера составляла полнейший контраст с этими внушительными мужчинами. Вот как описывает свою внешность Вагнер: „это был портрет юноши, почти ребенка с довольно большими зелено-серыми глазами, с непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами то там, то здесь—и с большими выдававшимися, как бы оттопыренными губами". По мнению Вагнера, Бутлерова, Пятницкого и его связывала между собой большая или меньшая одинаковость их характера и искренность друг с другом. Все трое легко увлекались всякой новинкой, хотя при этом Бутлеров был сдержаннее своих товарищей. „В складе его ума уже тогда проглядывала влечение к серьезным занятиям". На первых двух курсах Бутлеров с Вагнером ревностно занимались собиранием насекомых. Все было ново—интересно и за материалом для своих коллекций они нередко отправлялись верст за 18 и даже за 30 от Казани для отыскания новых

еще им незнакомых форм. Результатом этих увлечений зоологией Бутлеров оставил в университете богатую коллекцию Волго-Уральских бабочек, а в 4 курсе напечатал в ученых записках Каз. университета статейку, об определении дневных бабочек. Занятия зоологией порождались интересом самого предмета—интересом, возбуждаемым живой природой—и никак не могли исходить от проф. зоологии, который, по свидетельству Вагнера, читал свои скучные лекции буквально по систематическому немецкому учебнику 1836 года.

Совсем другое было с химией. Здесь Бутлерова привлек не предмет, а профессора Клаус и Зинин. Для того, чтобы понять влияние этих профессоров на Бутлерова, необходимо хотя бы кратко описать их характеры и занятия со студентами.

Карл Карлович Клаус „был удивительный оригинал и добрейший симпатичнейший и честнейший человек“. Несмотря на свои лета (больше 50) он во всякое дело вносил юношеский пыл. Он был весьма предан химии и ему химия обязана открытием Рутения в остатках платиновых руд. Все свободное время он проводил в лаборатории, занимаясь исследованием платиновых руд, при этом, по свидетельству его учеников, он имел удивительную привычку все растворы металлов в кислотах пробовать на вкус, каким образом он не сжигал при этом своего языка, остается неизвестным. Он был горяч, вспыльчив и удивительно рассеян. Во всякое свое занятие он вносил страстность, и вот этой то страстью завлекал студентов, тем

более, что все работы в лаборатории происходили открыто среди студентов.

Для характеристики проф. Ник. Ник. Зинина я приведу выдержку из вышеупомянутой книги Вагнера: „Между молодежью это был старый веселый товарищ, и в его лабораторию постоянно стекалось студенчество слушать его рассказы и развиваться. Он обращался со студентами как товарищ, за панибрата. Он выбранит, иногда даже приколотит виноватого, но никогда никому не откажет в посильной помощи и защите. Раз один из моих товарищей обиделся на его слишком нецеремонное обращение и надулся. Когда заметил это Зинин, то рассказал всем нам нечто из лабораторных занятий его у Либиха. „У нас был, говорил он, лаборант. Если ктонибудь из нас разобьет чтонибудь или сделает грубую ошибку, то он отвернется и несколько дней, иногда целую неделю не говорит с ним. Хотите я буду так обращаться с вами?.. Друг! вскричал он, обращаясь к обиженному. Да ты отколоти меня просто по шее и будем квиты... Только если сладишь!. Ведь я буду бабахтаться... Живой не дамся нет с!“ и при этом он жмет и тискает руку когонибудь из стоящих ближе и тот невольно чувствует, что рука Ник. Ник. железная и сила его медвежья.

Зинин любил и уважал науку и эта любовь и уважение невольно передавались и его ученикам, которые хотели работать. Но, кроме науки, мы были обязаны ему знакомством с немецкой литературой. Он первый открыл нам в восторженных цитатах

и декламациях прелести Фауста Гёте и Разбойников Шиллера".

Понятно, что при таком ведении занятий и при знаниях, соединенных со страстью самих профессоров, студенты увлекались химией.

Под влиянием Зинина, обладавшего необыкновенной силой, и приезжего гимнаста силача Рапо Бутлеров и Пятницкий занялись развитием своих мышц. Сделали себе чугунные шары в пуд весом, жонглерские металлические мячики, палочки; Пятницкий даже в своей квартире устроил столбы, кольца и лестницы для гимнастики. Бутлеров из всех отличался „необыкновенной способностью к акробатическим кунтеитюкам и обладал довольно большой ловкостью в руках, хотя вообще был тяжел, неуклюж и неловок." Приходя к товарищам в гости и не заставая их дома, Бутлеров оставлял обыкновенно вместо визитной карточки свой инициал, букву Б, согнутый тут же из железной кочерги. „Пятницкий мог подымать 10 пудов на одном мизинце правой руки. Верх его искусства было поднятие с полу двух дюжин легких плетеных стульев одной правой рукой" (Вагнер).

Любимым развлечением Бутлерова и компании были прогулки по Казани в темные вечера. При этом Вагнер залезал на плечи Пятницкого и накрывался его шинелью. Жители, встречаясь с таким великаном, в испуге сворачивали с дороги, крестились и долго глядели в след удалявшейся колоссальной фигуре. Бутлеров и товарищи наблюдали результаты своей выдумки, идя поодаль.

Невольно хочется привести выдержку опять из Вагнера: „Детская резвость, увлечение шалостями, остроумными шутками—вот черты, которые сопровождали и отличали нашу студенческую юность. В душе было светло и ясно и ничего, кроме смешного или радостного, не представлялось нам в жизни. Горе и беда скользили по нашим сердцам и не могли возмутить их тихий мир. В особенности это детски шаловливое время нападало на нас весной, перед нашей летней разлукой”.

Так незаметно и весело промелькнули студенческие годы Александра Михайловича Бутлерова. В 1849 году университет окончен и представляется самостоятельная жизнь или практического, или научного характера. У кого какие наклонности и способности тот туда и идет. Бутлеров выбрал научную карьеру и в своем выборе не ошибся, как увидим далее, он успел за свою не особенно продолжительную жизнь (умер всего 58 лет совершенно еще бодрый и жизнерадостный) сделать весьма и весьма много как в научной стороне, так, впоследствии, и в практической.

II.

Хотя моя задача характеризовать А. М. Бутлерова как пчеловода, но он более известен как химик, а потому нельзя не остановиться, хотя бы кратко на этой стороне его деятельности. А потому я постараюсь описать некоторые характерные моменты его химической деятельности, а уже затем остановлюсь на его деятельности в отрасли пчеловодства. Кроме того, при знакомстве с различными сторонами деятельности этого великого человека яснее вырисовывается величие размаха его мысли.

В 1849 году А. М. Бутлеров представил диссертацию „Дневные бабочки Волго—Уральской фауны" и был удостоен степени кандидата. Во время своих студенческих работ в химической лаборатории А. М. обратил на себя внимание профессора химии Клауса, который решил оставить его при университете в качестве своего помощника, о чем и вошел с ходатайством в заседание физико-математического факультета 11 апр. 1850 г. Факультет горячо отнесся к представлению Клауса и постановил ходатайствовать „о причислении г. Бутлерова к университету в каком бы то ни было

качестве“, высказав при этом с своей стороны уверенность, „что г. Бутлеров своими познаниями, дарованиями, любовью к науке и химическими исследованиями сделает честь университету и заслужит известность в ученом мире, если обстоятельства будут благоприятствовать его ученому призванию”.

Ректор университета с своей стороны, озабочиваясь, чтобы все предметы в университете были заняты, вошел с ходатайством о разрешении Бутлерову принять на себя преподавание физики и физической географии с климатологией студентам медицинского факультета, впредь до возвращения в Казань преподавателя этих наук Гусева, причисленного в это время для практических занятий к Пулковской обсерватории.

Ходатайства как факультета, так и ректора были удовлетворены и с 1850 г. А. М. начинает преподавание неорганической химии ст. 1 курса естественного и математического разрядов физико-математического факультета и физику с физической географией студентам медицинского факультета.

Несмотря на многочисленные занятия по преподаванию вышеперечисленных предметов, А. М. находит время для подготовки диссертации на магистра химии. Уже к началу 1851 года А. М. представляет диссертацию „об окислении органических соединений”. Эта тема, выбранная с одобрения факультета, представляет собой общий литературно-химический довольно трудный пред-

мет, до тех пор еще никем не разработанный. А. М. пришлось собрать все частности, разбросанные в различных сочинениях и подвести их под общий логический взгляд. По мнению проф. Клауса, разбиравшего эту диссертацию, „работа такого рода гораздо труднее всякого частного исследования и представляет диссертацию в настоящем ее смысле. Здесь нужно не специальное только познание некоторых частей химии, но близкое знакомство с нашей наукой во всем ее объеме и умение владеть фактами". Несмотря на трудность темы А. М. отлично справился с задачей, с талантом, сгруппировав крайне разнообразный и многочисленный материал и при этом обнаружил широкие воззрения на предмет. 11 февр. 1851 года. Бутлеров защитил диссертацию.

14 марта 1851 года в совете университета 21 голосами против 3 А. М. был избран адъюнктом по кафедре химии, в помощники к проф. Клаусу. С этих пор А. М. сделался одним из штатных преподавателей по кафедре химии в Казанском университете.

Весной 1853 года А. М. представил в физико-математический факультет диссертацию на степень доктора химии „об эфирных маслах". К этому времени проф. Клаус перешел в Юрьевский университет, а проф. Зинин в медико-хирургическую академию и таким образом профессуры химии в Казанском университете не было. Диссертация Бутлерова факультетом была передана молодому проф. физики Соловьеву, который был доктором

№. 1008 к. 1
169 683

физики и химии, и проф. технологии М. Я. Киттары. Соловьев оказался излишне строг к диссертации Бутлерова и напал на некоторые его теоретические воззрения, которые в то время уже выходили из употребления. Не желая переделывать диссертации, А. М. зимой перед рождеством отправился в Москву. Здесь 4 июня 1854 года он и приобрел степень доктора химии. Из Москвы А. М. приехал в Петербург к быв. своему учителю проф. Зинину. Последний познакомил его с учением Лорана и Жерара и советовал руководиться в преподавании системой Жерара. По словам Бутлерова, это свидание имело громадное значение в его умственном развитии.

В сентябре 1854 года проф. Э. А. Эверсман и П. И. Вагнер вошли в физико-математический факультет с ходатайством о предоставлении новому доктору звания экстраординарного профессора. В своем представлении они рекомендуют А. М., как человека стремящегося к совершенствованию себя на избранном поприще, сделавшего быстрые успехи в области химии и обладающего глубокими познаниями как в теоретической, так и в практической химии. Ходатайство Эверсмана и Вагнера встретило в совете университета сочувствие и в заседании совета 25 сентября 1854 г., 23 голосами против одного А. М. Бутлеров был избран в экстраординарные профессора. В этом звании он пробыл, за неимением свободной кафедры, до 11 апреля 1858 г., когда за уходом профес. технологии М. Я. Киттары в Московский универ-

ситет в **физико-математическом** факультете открылась ординатура.

В 1857 г. А. М. выхлопотал себе командировку за границу на 1 год и 2 месяца. Целью поездки было: 1) личное знакомство и свидание с известными химиками, 2) посещение главных химических лабораторий и наглядное изучение новейших способов химических работ, 3) услышать лекции знаменитых иностранных ученых с целью узнать ход тамошнего преподавания и полезное приложить на деле в Казанском университете.

Из его отчета, помещенного в ученых записках Казанского университета за 1859 г. том 3-й видно, что ему удалось весьма широко выполнить свой план. Во время этого путешествия ему удалось основательно познакомиться с новыми теориями химического строения вещества, в которых замечаются со стороны некоторых химиков робкие попытки объяснить явления органической химии при помощи тех принципов, которые затем в расширенном и более систематизированном виде появились в руках Бутлерова в виде теории структурного строения химического вещества, господствующей до сих пор в химии. В Париже, в лаборатории Вюрца, А. М. были начаты работы, приведшие его в 1859 году к открытию вещества, называемого формалином, который в настоящее время имеет также значение при лечении гнильца тел. В 1861 году из формалина действием на него известковой водой Бутлерову удалось получить виноградный сахар, присутствующий в меду, как

жидкая некристаллизующаяся составная часть. Этот процесс интересует и до сих пор химиков и физиологов, так как есть основание предполагать, что именно по этому процессу происходит усвоение растениями углекислоты воздуха и превращение ее в крахмал и сахар.

Кроме этих чисто научных результатов Бутлеров из своей поездки извлек весьма ценное приобретение материального свойства—это знакомство с применением при химических работах газового пламени и устройство приборов для получения газа. До этой поездки Бутлерова за границу все работы в лабораториях русских университетов производились при помощи накаливания на углях. Насколько была трудна эта работа, видно хотя бы из следующих слов Бутлерова: „Без сюртука, с раскрасневшимся лицом и химической книгой или журналом, сидел Н. Н. (Зинин) за своей работой. Прибыв в Казань из своей заграничной поездки, А. М. потратил не мало труда и времени на устройство в химической лаборатории газового нагревания, устроив для этой цели в подвальном этаже свой газовый заводик. Таким образом, газ в лабораторной практике в России был применен впервые А. М. Бутлеровым в Казанском университете.

Пожалуй не лишне будет привести описание лаборатории в Казанском университете, чтобы показать, в каких условиях пришлось Бутлерову работать и создавать свою всемирнопризнанную и сыгравшую такую роль в развитии химии структурную теорию строения вещества, Описание

займствую из речи проф. Марковникова, читанной им в заседании в память А. М. Бутлерова.

„Рабочее помещение состояло из одной залы в семь окон. В ней было 2 израсцовых стола, большая печь для приготовления калия, горн, песчаная баня без тяги и 2 переносных калильных печи. Вот и все устройство для работ. Тут велись научные исследования, здесь же готовились опыты для лекций, мылась грязная посуда, а за невысокой перегородкой была каморка для знакомого многим казанским студентам старика—служителя Гаврилы. Студенты работали на окнах. Газу не было. Нагревание производилось спиртовыми лампами или углями, а когда приходилось делать органический анализ, „то примасивались кое как на печке для калия“. При Бутлерове, кроме введения газа, были устроены следующие изменения: „устроен шкаф для тяги и рабочее помещение увеличено одной комнатой. Из этой то маленькой комнаты и вышли те работы, которые сделали Бутлерова знаменитым. В ней можно было помещаться только 3-им“.

К августу 1858 года А. М. вернулся в Казань и вот здесь начинается лихорадочная работа по разработке теории структурного строения вещества. В результате этих работ в 3 года, до следующей заграничной поездки Бутлерова, появилось 6 капитальных статей, помещенных в немецких анналах.

Этими работами А. М. получает всемирную известность, но его неутомимая энергия не позволяет ему почить на лаврах, наоборот, достигнутые

результаты побуждают его еще" энергичнее вести работу. Так как Бутлеров в это время чувствует, что для продолжения его работ необходимо личное свидание с заграничными учеными, то он хлопочет себе заграничную командировку на летние каникулярные 2 месяца в 1860 году, но по независящим от него обстоятельствам, а именно по причине назначения его 9 февраля 1860 г. ректором университета, поездка могла лишь состояться в 1861 г. И вот в 1861 году на с'езде немецких естествоиспытателей А. М. делает доклад под скромным заголовком: „Нечто о химическом строении вещества". В этом докладе он резко заявил, что современные теории не соответствуют опыту и дальше дает символ веры новой структурной теории, господствующей и по настоящее время. Все принципы, высказанные Бутлеровым в своем докладе, сохраняют силу и до сего времени. Этот доклад интересен в том отношении, что он показывает что основателем структурной теории строения вещества является русский ученый Бутлеров. И Бутлеров дал не только принципы, но он сумел на них построить все здание органической химии, как стройное целое, написав в 1864 г. первый учебник органической химии, построенный исключительно на структурной теории строения. Интересно, что краеугольные камни как неорганической, так и органической химии положены русскими профессорами: периодическая система элементов Д. И. Менделеевым и **структурная** теория строения А. М, Бутлеровым.

Проведение теории строения через всю органическую химию сделано Бутлеровым в его „введении к полному изучению органической химии“, изданному в 1864 г. на русском языке. Несмотря на все значение этого „введения“ Бутлеров написал его на русском языке, хотя русских химиков было и немного, и большинство русских ученых свои труды писало на немецком языке. Так как русская наука имеет вообще не очень много представителей, а в то время тем более, то Бутлерову необходимо было распространить свою работу на немецком языке, и вот в 1867 году в Казани производится перевод русского оригинала на немецкий язык преподавателем земледельческого училища Ретом.

С августа месяца 1867 г. по июнь 1868 г. А. М. находился в третьей заграничной поездке. Целью этой поездки было, кроме поправления расстроенного усиленными лабораторными занятиями здоровья, свидание с видными химиками для разъяснения лично им своих теоретических взглядов, это тем более было необходимо, что многие химики выдавали за свое то, что Бутлеровым было уже давно высказано в печатных трудах. Этой же поездкой А. М. воспользовался с большим удобством для редактирования немецкого перевода его „Введения“.

9 февраля 1860 года А. М. был назначен ректором Казанского университета. Это назначение было крайне неожиданным как для университета, так и для самого А. М., тем более, что ему тогда

было 32 года и на службе он был всего 7 лет. Должность ректора тяготила А. М. и он несколько раз пытался оставить этот административный пост, но по просьбе сослуживцев оставался. Наконец, в августе 1862 г. несмотря на все просьбы он отказался от должности ректора. В этом году Казанский университет получил право выбирать ректора на совете и вот первым выборным ректором на заседании совета 27 октября 1862 г., несмотря на отказ от баллотировки, был выбран А. М. Бутлеров. Бутлеров уже вкусил прелести ректорства и на этот раз в должности ректора пробыл всего несколько месяцев, подав заявление об оставке от должности ректора, несмотря на все просьбы сослуживцев, 24 апреля 1863 года.

Открытия и взгляды Бутлерова доставили ему громкую известность, так что физико-математический факультет Петербургского университета по предложению профессора Д. И. Менделеева в мае 1868 г., выбрал его ординарным профессором по кафедре органической химии, которую он и занимал до конца жизни. По ходатайству Казанского университета Бутлеров был оставлен в Казани для окончания начатого курса до 31 декабря 1868 года.

Казанский университет, не желая порвать связи со своим воспитанником, в заседании совета 22 февраля 1869 года избирает А. М. Бутлерова своим почетным членом, кроме того, в профессорской читальне был повешен его портрет, сделанный на деньги, собранные между сослуживцами Бутлерова, А. М., был весьма тронут этим вниманием

своих товарищей и при получении известия об избрании его в почетные члены, написал университету письмо, в котором, между прочим, говорит следующее: „Совету было угодно почтить меня лестным избранием в почетные члены Казанского университета, и я спешу принести искреннее выражение глубочайшей признательности за эту высокую оказанную мне честь. В Казанском университете прошли лучшие годы моей жизни, и благодарные воспоминания неразрывно связывают меня с ним. Закрепив ныне эту связь, совет дает мне право звать Казанский университет по прежнему своим родным университетом, а мое чувство к нему заставляет меня высоко ценить это право”.

Вскоре по приезде в Петроград, а именно в марте 1870 г. А. М. Бутлеров был избран членом Петербургской академии наук, здесь ему пришлось вести продолжительную и упорную борьбу за интересы русской науки. Борьба возгорелась из-за следующего обстоятельства: после смерти Зинина, в академии открылась кафедра химии. Бутлеров, поддержанный другими русскими сочленами физико-математического отделения академии, представил на нее профессора Д. И. Менделеева. Немецким академикам благосостояние немецких посредственностей было дороже русской академии и они забаллотировали Менделеева. На этом и загорелась отчаянная борьба между Бутлеровым и немецкой частью академии.

Значение А. М. Бутлерова для науки громадно. Он дал теорию структурного строения органиче-

ского вещества, „создав теорию, Бутлеров в то же время, разработал методы исследования. Им был не только указан, но и расчищен путь для его последователей“ — (Густавсон, профессор). Во время своих работ Бутлеров создал вполне самостоятельную химическую школу. Ко времени его смерти почти все кафедры химии в России были заняты, или его непосредственными учениками, или учениками учеников. Всего Бутлеров занимал кафедру химии 34 года (17 лет в Казани и 17 лет в Петрограде).

Имя А. М. Бутлерова занимает одно из первых мест в списках членов многих ученых обществ и учреждений. Кроме Казанского университета и многих русских обществ, несколько первоклассных ученых обществ Западной Европы считали за честь внести имя Бутлерова в списки своих членов, так, например, он состоял членом Берлинского немецкого и Лондонского химических обществ и пр.

III.

„Путь пчеловодства, путь скользкий. Раз вступишь на него, увлекаясь обыкновенно любовью к делу, и уже не расстаешься с ним, помимо всяких финансовых соображений, всяких счетов о барышах и убытках“.

А. Бутлеров.

Каждое лето с первых чисел мая до начала сентября А. М. Бутлеров проводил в деревне Бутлеровке, лежащей вблизи Камы, в самом благодатном черноземном углу Казанской губернии. „В деревенском, небольшом с мезонином деревянном доме Александра Михайловича тогда (1860 г.), все еще было полно старинной жизнью Александровского времени, отец Бутлерова—Михаил Васильевич—служил в военной службе и участвовал в походе 1814 года. Мебель в доме была из корельской березы, а зеркала в гостиной из красного дерева à l'empire, и на одном из подзеркальников стояли бронзовые часы классического стиля. Перед камином был экран тоже из корельской березы с вышитой гарусом картиной, изображавшей какого-то

восточного всадника на бешеном коне. В небольшом кабинете, с балконом, мебель была в том же простом, классическом стиле; было довольно много вещей, точеных отцом Бутлерова и несессерчиков, преспапье и картинок, вышитых гарусом и бисером матерью Бутлерова. В спальне стоял довольно большой шкаф с книгами, преимущественно русскими. Тут было „животное обозрение" Плюшара, энциклопедический лексикон, было два тома „Сто русских литераторов" и разные сборники, с.-х. журналы и руководства. Все в этом доме свидетельствовало о тихой семейной деревенской жизни.

В стороне от дома, слева, был небольшой флигелек, а позади дома растиался большой двор, обведенный службами и амбарами. За деревянной решеткой выглядывал тенистый сад, в котором одна часть, ближайшая к дому, была очень живописна. Почти прямо от ворот шла большая аллея из старых искусственно искривленных сосен. Эта вся часть кончалась высоким и крутым глинистым спуском или обрывом, возвышавшимся над прудом и небольшой речкой, на противоположном берегу которой рос молодой смешанный лесок" (Вагнер). Около этого обрыва под тенью старых сосен располагалась пасека, состоящая из всех известных ульев численностью около сотни. Тут А. М. испытывал различные приемы пчеловождения, сравнивал между собой разные породы пчел—русскую, итальянскую, кавказскую. Тут же он запасался теми знаниями, которые впоследствии были им вложены в его пчеловодных руководствах „Пчела",

„Как водить пчел" и во многих заметках, рассеянных по периодическим изданиям.

Здесь-то Бутлеров и отдыхал каждое лето от лабораторных занятий и всех тревог городской жизни. Химии в деревне уделялось лишь столько времени, сколько нужно для беглого просмотра важнейших химических журналов. Отдыхал А. М. не в обыкновенном смысле слова ничегонеделания, гуляния и т. д., нет. Его живая и подвижная натура требовала все время деятельности. В деревне А. М. работал так, что успевал сделать в три месяца то, на что другому бы было мало и полгода, но это не была спешка—гонка. А. М. просто не терпел медленности в работе, тем более бездеятельности. При этом он так обставлял свою работу, что его помощники поневоле заражались его влиянием и работали не хуже его самого. Работа кипела в его руках и каждый год усадьба украшалась какой нибудь новой постройкой или усовершенствованием уже существующего. То появлялась прелестная оранжерея, построенная вся по чертежам А. М., то омшанник в русском стиле с флюгером, направление ветра на котором указывал летящий вальдшнеп, искусно вырезанный из цинкового листа самим академиком, то выростала пасека—павильон на 17 семей, и все до последнего винтика было обдуманно А. М. и во всем виднелась его изобретательность и изящество. Года за два до кончины А. М. занялся орошением своей усадьбы из нижележащего пруда. Причем механизм поднятия воды вверх помощью падую-

щей воды был разработан им самим. Сам все направливал, за всем сам наблюдал и какова же была его радость, когда в один прекрасный день во всех уголках усадьбы текла вода.

Любимым занятием А. М. летом было пчеловодство, цветоводство, садоводство и лишь в последние годы жизни он стал интересоваться и полеводством. На пасеке он обыкновенно работал с непокрытой головой, хотя по ней ползали пчелы. Добродушие и спокойный характер пчеловода укрощали гнев тружениц. Для ненастной же погоды, когда работы на пасеке были невозможны, в его кабинете находился стеклянный улей с пчелами.

Александр Михайлович хорошо знал медицину хотя и не был доктором. Каждое летнее воскресенье его усадьба Бутлеровка представляла из себя сборище больных. Сюда шли все, кто чем либо болел и шли охотнее, чем в соседнюю земскую больницу, т. к. здесь находили более теплое обращение и лучшее лекарство. Иногда выходили и курьезы: какойнибудь крестьянин притворялся больным, получал порошки хинина и шел продавать на базар „бутлеровские порошки“, весьма охотно покупаемые, т. к. все доверяли их целебности.

Бутлеров был страстный охотник и великолепный ходок, „в зрелые годы легко исхаживал такие пространства, что в лоск укладывал свою охотничью собаку. И еще в 70—80 годах был настолько горячим и неутомимым охотником, что молодежь, т. е. его сыновья и племянники, пасовали перед ним“. (Россоловский).

Характерными чертами А. М. Бутлерова были:

1. Полная открытость действий, особенно это проявлялось в его работах по химии. Все свои работы А. М. производил на виду у всех. У него не только работ, но и мыслей не было тайных. Благодаря своему открытому характеру Бутлерову пришлось в течение жизни перенести не мало огорчений. Иногда его мысли были совершенно противоположны мнениям большинства общества и несмотря на это он открыто проповедывал и стойко защищал свои убеждения, даже в тех случаях, когда эта защита подрывала его имя. „Я привык (говорит он на съезде естествоиспытателей в Одессе 27/VIII 1883 г.) привык открыто, не справляясь с симпатиями большинства, высказывать свои убеждения, когда считаю это полезным и нужным". Благодаря этой открытости характера А. М. и смог создать свою химическую школу.

2. Настойчивость в достижении намеченной цели, стремление доводить всякое начатое дело до конца. Это качество проявилось как в химии, так и в пчеловодстве. Все химические исследования А. М. имели вполне определенный смысл и вели к определенной цели. Все исследования были закончены, ни одного, как это часто случается, исследования не оставлялось не законченным до определенного конца. То же самое можно сказать и про другие стороны деятельности А. М. Настойчивость Бутлерова иногда доходила до изумительных пределов, напр., при получении триметилуксусной кислоты на метод получения А. М.

было потрачено 2 года упорного труда и таких примеров не мало.

3. Замечательная доступность и внимательность к окружающим его. Что касается этой черты его характера, то она поистине замечательна. В его лабораторию приходил любой и при этом со стороны Ал. Мих. встречал всегда привет и ласку, это тем более было легко, что разговор не мешал А. М. работать и все, разговаривая с ним, знали, что этим вовсе не отрывают его от его занятий. Во время беседы А. М. был весьма деликатен и говоря прямо собеседнику то, что нужно было сказать, он с замечательным умением щадил его самолюбие. Благодаря радушности приема и умению поддерживать хорошие отношения, Бутлерова всегда окружала толпа слушателей. У всех подпадавших под его влияние, а такими были почти все, все хорошие стороны души развивались, а злые атрофировались. Ал. Мих. умел держать себя ровно со всеми и за это качество все были хорошего мнения о нем как его друзья, так и лица, не сходившиеся с ним во взглядах.

Одним словом, это был человек с редко встречающимися качествами души.

С пчелами Александр Михайлович познакомился совершенно случайно. Летом в 1860 году у него в деревне гостил его друг со студенческой скамьи проф. зоологии Н. П. Вагнер. Последний в то время задумал обширный труд по анатомии пчел и по его просьбе А. М. устроил в своем доме

стеклянный улей, по модели, предложенной казанским пчеловодом Клыковским. Написал ли свой труд Вагнер, мне неизвестно, но только Бутлеров так увлекся пчелами, что на следующий год в его саду уже стояло несколько колод с пчелами. До 1869 года пчелы велись сами по себе и А. М. оставалось лишь любоваться их лётком. Дохода за эти годы пчелы не давали. Во время заграничной поездки в 1867—68 годах А. М. Бутлеров познакомился в Германии с пчеловодством Дзиржана и Берлепта. Его могучий ум сразу понял насколько разборные ульи, хотя бы и такие еще несовершенные, как Берлепта, лучше и удобнее для пчеловода неразборной колоды. Тотчас же по возвращении в деревню было приступлено к заготовке колодных стояков на рамку Берлепта, и в зиму 1869 года было убрано 18 семей почти все в рамочных колодах. С этого времени пасека начинает увеличиваться при помощи искусственного роения, так что в зиму 1872 г. пошло 39 семей.

Благодаря ли искусственному роению, итальянским пчелам или другим каким причинам, но на пасеке появился гнилец.

Не лишне будет познакомиться в кратких чертах с теми воззрениями на гнилец, которые существовали к 1870 году. Дёнгоф и Асмус (оба врачи) считали причиной гнильца особую мушку *Phora incrassaea*; они полагали, что мушка кладет свои яйца в личинку, которая от этого умирает, заражая и здоровых своим гниением; они даже говорили, что личинку этой мушки можно наблю-

дать в пчелиных личинках. Как еще на аргумент, что заражение происходит от мушки они указывали на отверстия в крышечках гнильцовой детвы. Берлепти в своей „Die Biene“ отрицает существование в личинках тел личинок *Phoga*, однако относительно дырочек в крышечках и он впадает в ошибку, приписывая их какой-нибудь чужеродной личинке, которая и выползает через них. Бутлеров в своем докладе в Импер. Волн. Эконом. Об-ве 25 янв. 1873 года определенно утверждает, что обвинять каких-либо личинок в порче крышечек нельзя. Если бы эти отверстия проделывались личинками, то они были бы все более или менее одинакового размера и с ровными краями. Этого не наблюдается, отверстия самой разнообразной величины и со рваными краями. Такую форму отверстия могут принять лишь при *прорыве их зом.*

Ламбрехт, немецкий пчеловод, величающий себя и химиком, утверждал, что причиной гнильца преимущественно бывает порченная хлебина, употребленная для выкормки червы. Другие пчеловоды старались проверить это положение, для чего кормили пчелиные семьи не только испорченной пергой, но и испортившимся медом, несмотря на это гнильца не появлялось. Очевидно, Ламбрехт был прав лишь отчасти — при кормлении плохим кормом организм слабеет и легко может подвергнуться заражению.

По Прейсу, врачу в Диршау, гнилец обуславливается присутствием низших организмов — грибов. Эту теорию поддерживали и некоторые

другие авторитеты, как, например, проф. Иенского ун-та Галльбе.

Наконец, Фишер говорил, что гнилец обусловливается недостатком в пище белка. Теория, сходная с теорией Ламбрехта, обе основаны на ненормальном питании. Свое мнение Фишер основывал на том, что он пробовал кормить больных гнильцом семьи медом в смеси с яичным белком. При таком кормлении развитие гнильца как будто уменьшалось, но полного излечения достигать не удавалось.

Теорий было много—ни одна из них не давала полного объяснения появления гнильца, а раз неизвестна причина развития болезни, то найти правильное лечение можно лишь ощупью, благодаря счастливому случаю. И, действительно, методов, лечения предлагалось много, но все они не достигали цели. Некоторые пчеловоды свое умение лечить гнилец предлагали опубликовать лишь за определенную плату. Например, известный уже Ламбрехт уверял, что он знает тайну лечения гнильца, но об'явит ее лишь тогда, когда на его брошюру найдется столько-то тысяч подписчиков. Цена брошюры была назначена довольно высокая. Подписчиков столько, сколько желал автор, не нашлось и брошюра не была издана.

Бутлеров наблюдал, что „гнилец не поражает развившихся насекомых, а только личинок“, и на основании этого пришел к следующему способу борьбы с гнильцом. „Если гнилец в весьма незначительной части, то ножик (т.-е. вырезание зара-

женных сотов), удаление матки и уменьшение гнезда или подсилка семьи уже будут средствами, на успех которых можно рассчитывать, не прибегая к другим мерам“. Но если гнилец развился значительно, то следует семью перегнать в новый улей на свежее гнездо, с удержанием в раевне до осыпания и даже после этого продержать в раевне несколько дней на голодном пайке из чистого хорошего меда. Старый улей и то место, где он стоял, продезинфицировать. Улей обжечь, а место перекопать с негашеной известью.

Гнилец на пасеке Бутлерова появился в 1870 г. и пока он применял различные способы лечения, гнилец разросся так, что весной 1872 г. на пасеке было 23 семьи и из них 10 больных. В лето 72 г. был применен вышеописанный метод лечения. Целесообразность его уже обнаружилась к осени; на зиму пошло 35 семей и из них больных всего 5 штук. Со стороны пчелиных семей в этот год не покупалось.

Таким образом, Бутлеров уже в 1872 году пришел к тому же способу лечения гнильца, который, после многих споров, принят большинством в настоящее время.

Необходимо отметить влияние на Бутлерова знакомство с пчеловодством Берлепта. Первое время А. М. ставил Берлепта выше всего и на все затеи русских, смотрел с черезчур строгой критикой. 1 октября 1870 г. в „трудах И. В. Э. О.“, появилась одна из первых его статей по пчело-

водству. В ней он разбирает некоторые изобретения русских пчеловодов и говорит: „живя только своей собственной опытностью (т.-е. не читая Дзиржона и Берлепта) мы доходим или до пресика Пузанова, которым наверно еще никому не удалось и не удастся наделать искусственных сотов или до снаряда Гусева для вывода пчелиных маток, который совершенно не нужен, потому что и без него всегда легко вывести маток. „Далее он переходит к критике каких то ульев Кокурина и Петрова, указывая как на идеал, на улей Берлепта, не указывая при этом недостатков ульев Кокурина и Петрова. В следующей своей статье тоже в 1870 году „Несколько слов относительно пасечной практики св. Юшкова“, Бутлеров обрушивается на эту систему пчеловождения только потому, что она имеет дело с неразборной колодой, а не с рамочным ульем Берлепта.

Но уже в следующей статье „К вопросу об условиях хорошей зимовки пчел“ А. М. опровергает мнение „мудреца в пчеловодном деле“ Берлепта о плотной укупорке пчел зимой. Опыт привел к обратному результату, а именно, что для благополучной зимовки нужна достаточная вентиляция. Несмотря на убедительность приводимых А. М. доказательств, он опять ссылается на немецких пчеловодов Гюллера и Тульца, пришедших тоже к тому же результату и делающих в своих ульях особые вентиляционные отверстия, открывающиеся на зиму.

IV.

„Благодаря ему, и только одному ему, пчеловодство пробудилось от векового сна и сделало большие успехи за 15 лет его деятельности на этом поприще“.

В. И. Подольский.

Во время заграничной поездки в 1867—68 г. Бутлерову бросилась в глаза та разница общественного пчеловодства, какая существовала между русским пчеловодством и заграничным. Здесь в России каждый пчеловод водит пчел по преданиям, а если что и удастся усовершенствовать, то его усовершенствование или умирает вместе с ним или распространяется лишь среди нескольких знакомых—объединения и обмена мыслей среди пчеловодов нет почти никакого. Правда, есть пчеловодная литература, но ее ничтожное количество и среди этого ничтожества действительно дельных книг, где бы все или по крайней мере большинство, сообщаемого было правильно — крупницы. Какогонибудь постоянного объединения среди пчеловодов не существует совершенно. Не то за границей.

Пчеловодная литература как периодическая, так и непериодическая в довольно большом количестве; пчеловоды объединены в товарищества и общества, считающие членов тысячами.

Понимая все значение пчеловодства для России и видя, что оно падает, и даже идет к совершенному уничтожению, благодаря не соответствующим времени методам пчеловодения (в этом А. М. убедился на личной пасеке—с 1860 по 1868 год она ему не дала никакого дохода), Бутлеров решает помочь населению в этой его беде. Труд предстоял громадный, но Александр Михайлович идет на этот по истине подвиг без страха. Понимая, что помощь в этом случае возможна лишь в виде дачи соответствующих знаний, а всякие материальные пособия здесь не могут помочь, он решает просветить русских пчеловодов.

Прежде всего нужно было собрать некоторое ядро, на которое и можно было бы опираться в своей работе. И вот 25 ноября 1871 года А. М. в заседании Вольно-Экономического Общества, не состоя его членом, делает доклад „о мерах к распространению рационального пчеловодства“. Первым этапом в распространении рационального пчеловодства А. М. считает, объединение пчеловодов вокруг одного центра, для чего предлагает напечатать в „трудах“ Об-ва обращение к русским пчеловодам, о доставлении сведений о своем и местном пчеловодстве, и печатании этих сообщений в „трудах“ Об-ва. Об-во отнеслось внимательно к предложению А. М. и постановило напечатать

„обращение“, которое было предложено составить Бутлерову. Александру Михайловичу только этого и нужно было. Не терпя медленности в работе, он настоял, чтобы его „обращение“ было напечатано в январьской книге „трудов И. В. Э. О.“ 1872 г., хотя самый доклад его появился через несколько месяцев. „Обращение“ кроме напечатания в „трудах“ было распространено среди знакомых пчеловодов в виде отдельного оттиска.

День 25 ноября 1871 года для русских пчеловодов должен быть памятным днем. Это праздник возникновения русского рационального пчеловодства и об'единения русских пчеловодов. К великому сожалению русские пчеловоды забыли этот великий для них день. Все те знания, что нами почерпнуты из книг, должны напоминать нам, что не будь 25 ноября 1871 г. доклада А. М. Бутлерова, неизвестно насколько бы русское рациональное пчеловодство было моложе, чем оно теперь, не будь этого доклада, русские пчеловоды возможно не досчитали бы в своих рядах многих известных пчеловодов, т. е. у русского пчеловодства было бы гораздо меньше того, чем может сейчас оно гордиться. 25 ноября 1871 года это поворот от старого дедовского колодного пчеловодства и рассеянности пчеловодов к рациональному пчеловодству и об'единению пчеловодов. Я предлагаю русским пчеловодам отмечать в своей жизни день 25 ноября (7 декабря), как возникновения русского рационального пчеловодства и об'единения русских пчеловодов.

Бутлеров не ошибся. Пчеловоды ждали лишь толчка, нужно было появиться руководителю и вот когда он появился, пчеловоды дружно ответили на призыв. Статей и заметок присылалось сверх всяких ожиданий. Пришлось в „трудах И. В. Э. 0.“ выделить особый „отдел пчеловодства“, под редакцией Бутлерова, который по заявлению некоторых лиц был обширнее и интереснее других отделов. Лица, статьи которых были напечатаны в „трудах“ получали отдельные оттиски „отдела пчеловодства.

Для лучшего понятия значения доклада Бутлерова 25 ноября 1871 года, необходимо хотя бы в самых кратких чертах познакомиться с историей русской периодической пчеловодной литературы.

Первая статья „Рассуждение о пчелах“ напечатана в 1741 году в примечаниях к С.-Петербургским ведомостям (м.м. июнь и июль) изд. Академией наук.

С 1767 г. статьи по пчеловодству начинают попадаться на страницах разных периодических изданий. Если мы просмотрим „Библиографический указатель русской литературы по пчеловодству (1741—1888 г.)“, составленный И. Ф. Токаковым, то увидим, что до 1872 года статьи по пчеловодству попадают более, чем в 23 периодических изданиях, без всякого единения в одном или нескольких изданиях. Понятно, что большинство этих, и без того немногочисленных статей не доходило до пчеловодов, так что они печатались почти без всякой пользы, это тем более

необходимо принять, что периодические издания, помещавшие статьи по пчеловодству, носили такие наименования: „Труды Горного училища в СПб.“, „Журнал Министерства осударственных Имуществ“, „Отечественные Записки“, „Московские Ведомости“, различные провинциальные „ведомости“ и так далее.

С 1872 года объединяющим центром периодической литературы является отдел пчеловодства в „Трудах И.В.Э.О.“. В первый год существования (1872) появилось более 20 статей; в 1873 г.—более 45; в 1874 г.—более 50 и т. д.

Кроме статей русских пчеловодов в отделе пчеловодства в „Трудах И.В.Э.О.“ помещались заметки о новостях иностранного пчеловодства. В начале эти заметки составлялись самим А. М. а затем, когда характер их был выяснен, он сложил с себя эту обязанность. В „Трудах“ же печатался и список пчеловодов, известных И.В.Э.О. Благодаря этому списку пчеловоды могли сноситься непосредственно друг с другом. Количество известных пчеловодов И.В.Э.О. быстро росло; так: в январе 1872 г. это число было 26 ч.; в марте 31 ч.; в январе 1873 г.—73; в январе 1874 г.—106; в январе 1875 г.—138 и, наконец, в 1886 годы список пчеловодов имел 394 человека.

Благодаря „Трудам“ пчеловоды без видимой организации сгруппировались вокруг Бутлерова. Это видно хотя бы из того, что, по свидетельству Россоловского, А. М. приходилось в год отвечать более чем на 1000 писем пчеловодов.

До 1880 г. „Труды И. В. Э. О.“ были единственным органом пчеловодов. В 1880 году 8 февраля открылось Новгородское общество пчеловодства, которое по 52 уставу начало издавать свои „Записки“, выпускаемые не менее 2 раз в год в объеме не менее одного листа. Эти записки существовали до 1887 г., прекратившись за смертью организатора и руководителя общества Иосифа Ивановича Корвин-Круковского (умер 5 августа 1887 года).

Постепенно число пчеловодов, заинтересовавшихся отделом пчеловодства в „Трудах И. В. Э. О.“ возрастало. Многие выписывали „Труды“ исключительно из-за отдела пчеловодства, оставляя остальную часть „Трудов“ не разрезанной.

18 марта 1881 года св. Левандовский обратился к А. М. Бутлерову с просьбой выделить отдел пчеловодства из „Трудов“ в качестве самостоятельного органа. Эта просьба мативировалась тем, что многие из пчеловодов желают получать пчеловодный журнал, но выписывать „Труды“ с пчеловодным отделом они не в силах, т. к. приходится больше половины подписной платы платить за непчеловодную литературу, вовсе для них неинтересную. С той же просьбой к Бутлерову обращались и другие пчеловоды. Это понимал и А. М., но для самостоятельного издания пчеловодного журнала нужны были средства, а их то и не было. А. М. пытался устроить отдельную подписку на отдел пчеловодства в „Трудах“, но это не удалось. Приходилось ждать.

Наконец, к концу 1885 года нашлись средства для издания отдельного пчеловодного журнала. И вот с января 1886 года в России появился первый самостоятельный пчеловодный журнал „Русский пчеловодный листок“, под редакцией А. М. Бутлерова. Средства на издание были даны И.В.Э.О. Первая подписка на „Русский пчеловодный листок“ дала 600 подписчиков. Эта цифра превзошла все ожидания. Бутлеров был на вершине блаженства, он увидал, что его труды в течение 14 лет на ниве общественного пчеловодства не пропали, если по каким нибудь обстоятельствам журналу и придется закрыться, то его можно будет начать издавать и на частные средства. К счастью детище Ал. Мих. благополучно жило и развивалось в течение многих лет, пережив своего основателя на 32 года. (Последний раз одной книжкой за весь год „Русский пчеловодный листок“ вышел в 1918 г., просуществовав 33 года).

Ал. Мих. хлопотал не только о периодической литературе. Периодическую литературу можно читать с пользой лишь имея уже знакомство с предметом. Около 70 годов да и после издавалось значительное количество пчеловодных книг под громким заглавием, заманивающих покупателей, но по содержанию ничего не дающими, наоборот, прививающими много неверных понятий. К таким книгам необходимо отнести в первую очередь книгу под громким заглавием: П. И. Прокопович „Школа пчеловождения“ издание книгопродавца Д. И. Преснова цена 2 р. 50 к. I издание в 1866 г.,

а второе в 1874 г. Автором этой книги является не П. И. Прокопович, не оставивший к сожалению после себя никаких письменных памятников а М. Новолянский, д. член Императорского Московского Общества с.-х. В предисловии М. Новолянский говорит, что смотрит на свое сочинение „не более, как на сырой материал для полной хозяйственной науки пчеловодства" и действительно материал сыр, не переварен и выбран без малейшей критики. При этом оказывается,—Новолянский не знаком на практике с азбукой пчеловодства. В книге масса противоречий, неточностей и несмотря на это и большую цену книга выдерживала второе издание. Или: А. Гамет „Практическая школа для пчеловодов“. Совершенно безграмотный перевод с французского оригинала. И таких книг было много, выпускаемых в свет исключительно ради наживы издателей. Чувствовалась нужда в руководствах, отвечающих своему назначению.

В 1871 году Бутлеровым написана книга „Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства". Рукопись этой книги была награждена И. В. Э. 0. Еленнинской премией. Кроме этого, сами пчеловоды показали, что эта книга во многих отношениях превзошла другие современные руководства. Первое издание в 2000 экз. разошлось менее чем в год. А в 1885 году она выдерживала уже 5-ое издание—редкое явление среди пчеловодной литературы. Все сообщаемые факты в ней глубоко продуманы и еще до сих пор, хотя за 50 лет пчеловодство и далеко шагнуло вперед»

особенно в практике, все советы Бутлерова, за единичными случаями, и то еще до сих пор спорными, сохранили свою силу. „Пчела“ может смело служить в настоящее время для первоначального ознакомления с пчеловодством.

В 1873 году И. В. Э. О-вом по предложению Бутлерова было приступлено к переводу капитального сочинения Берлепта „Die Biene“ — „Пчела“. В скором времени (1876 г.) эта книга появилась в издании И. В. Э. О. Сочинение Берлепта одно из лучших пчеловодных сочинений и еще недавно в № 7 „Пчеловодного Дела“ за 1923 год А. С. Михайлов предлагает Госиздату издать эту книгу, составляющую с настоящее время библиографическую редкость.

Бутлеров больше всего известен пчеловодам, как автор небольшой книжки „Как водить пчел“. Эта книжка поистине незаменима для первоначального ознакомления с основами пчеловодства. Короткое, ясное изложение поражает при чтении. Эта книжка составлена специально для совершенно неподготовленного читателя. Удивляешься тому старанию и любви Бутлерова, которые он употребил для придания своей книжке максимальной простоты. Когда книжка была написана, то прежде чем ее издать, Бутлеров читал ее везде, где только находил удобным, в заседаниях И. В. Экономич. Общества, Имп. Общества Акклим. жив. и растения в Москве, студентам и т. д. При этих чтениях все советы принимались во внимание. Вдруг один из слушателей заявляет: „Ал. Мих., для крестья-

янина трудно понимать сложные предложения, гораздо легче простые" и тотчас же этот совет принимается и все, какие только можно, сложные предложения переделываются на простые. Таким образом, получилась та отделка, которую имеет эта небольшая книжечка. Первое издание появилось в 1885 году в количестве 20.000 экз. В 1914 г., т. е. через 29 лет, появилось 8 издание. В 1886 г. книга была переведена на польский язык.

V.

„Александр Михайлович любил пчелу и был также неутомим и трудолюбив, как она“.

О. Недоходовский.

В последней главе я коснулся исключительно литературной деятельности Бутлерова. Необходимо сказать несколько слов о положении Ал. Мих. в И. В. Э. О-ве, а потому эту главу я с этого и начну, перейдя затем к другим сторонам его деятельности.

25 ноября 1871 г. по предложению секретаря И. В. Э. О. проф. Ходнева Ал. Мих. Бутлеров избирается в члены общества.

29 декабря 1871 г. Ал. Мих. был предложен, а 20 января 1872 г. избран И.В.Э. О-вом своим неплатящим членом.

И. В. Э. О. ценило деятельность Бутлерова и в 1873 г. А. М. избирается в члены совета о-ва от общего собрания. В этой должности он пробыл 8 лет, отказавшись в 1881 году. Принимая во внимание его заслуги перед обществом, последнее в том же году выбирает его своим почетным членом, а затем вице-президентом и, наконец, президентом об-ва. Обязанности президента Ал. Мих. исполнял до 1885 года.

Деятельность Бутлерова по пчеловодству была отмечена И. В. Э. О., кроме избрания его на различные почетные должности еще (в 1875 году), присуждением ему большой золотой медали за распространение рационального пчеловодства.

А. М. Бутлеров заботился не только о просвещении пчеловодов, но и о доставлении им возможно дешевле предметов рационального пчеловодства. В 1874 году им в И. В. Э. О. был поднят вопрос о выписке из-за границы от Понтера некоторых снарядов, для доставления пчеловодам возможности дешево приобретать их.

Летом 1877 года А. М. посетил Кавказ и здесь *первый* обратил внимание на кавказских пчел. Его поразила необыкновенная их незлобливость. Он приводит такие примеры: 1) на одной пасеке 19 ульев были поставлены четырехугольником летками внутрь четырехугольника. Нужно представить себе, что творилось во время хорошего лета в этом пространстве. И вот в этой суматохе А. М. рассматривал лет пчел совершенно безнаказанно, стоя внутри четырехугольника; 2) работы в сапетках (местные неразборные ульи) производятся совершенно без дыма, вплоть до вырезки всех сотов и отыскания матки; 3) привившийся рой Ал. Мих. стряхивал себе на непокрытую голову и ни одна пчела не ужалила. Эта смиренность поневоле поразила Бутлерова. Познакомившись с местными пчеловодами и осмотрев их пасеки, А. М. убедился, что продуктивность этих удивительных пчел не ниже продуктивности северянок. Кроме этих

свойств кавказских пчел Бутлерову удалось познаться и с необыкновенным количеством маточников, закладываемых ими. Один пчеловод сообщил А. М., что ему пришлось вырезать из улья до 150 маточников.

Первые пчелиные матки кавказской породы были вывезены А. М. Бутлеровым в 1877 году в Москву для пасеки известного пчеловода П. М. Борисовского. Вообще нужно сказать, что А. М. из всех своих поездок как в России, так и за границей привозил несколько небольших семеек или маток какой нибудь новой породы.

О своей чудесной находке Ал. Мих. в заседании И. В. Э. О. сделал доклад, в котором указывает, что смиренность кавказских пчел во много превосходит то же качество знаменитых итальянских пчел, с которыми он работал на своей пасеке с 1868 года и предсказывает кавказским пчелам великую будущность. Для изучения и распространения этого клада и вообще для ведения пчеловодных дел в обществе им было предложено выбрать пчеловодную комиссию. Комиссия была выбрана и председ. ее оказался А. М. Бутлеров.

О своей находке Бутлеров сообщил немецкому пчеловоду Гюнтеру, знатоку итальянских пчел. Тот крайне заинтересовался новой породой и просил Бутлерова при первой возможности прислать ему маток кавказской породы. Случай явился вскоре совершенно неожиданно. Весной 1879 года петербургский пчеловод Луи Ганс получил 25 кавказских маток от пчеловода в Гёфилевске

с просьбой продать их по 5 р. за штуку. Оказалось, что продавец получил этих маток как лишних при соединении слабых семей. Матки были доставлены в распоряжение Бутлерова. 12 из них были отосланы пчеловоду Фогелю в Лемансфогеле близ Кюстрина и часть их отправилась потом фильше в Гисперелебен к Гюнтеру. Остальные матки были распределены среди русских пчеловодов.

В июне 1879 г. Бутлеров вторично поехал на Кавказ, захватив с собой две семьи черных пчел. В первую его поездку кавказские пчеловоды, ни как не могли понять, что есть злые пчелы и уверяли, что на севере пчелы злые вовсе не от породы, порода северная и кавказская одна, а от неумелого ухода пчеловода. Для доказательства противного и лучшего сравнения между собой пчел этих двух пород А. М. и захватил с собой черных пчел. На первом же пчельнике пчеловод смело подошел к ящику с северянками и без дыма и сетки начал разбирать гнездо. Не успел он как следует открыть гнездо, как пчелы набросились на смельчака и ему пришлось поспешно ретироваться. После столь неудачного опыта пчеловод принужден был согласиться, что и у пчел характеры бывают разные.

Внешнее сравнение показало, что кроме цвета (кавказянки были желтые) северянки отличаются и большей толщиной тела и несколько более округлым концом брюшка.

В это же лето Бутлеров вместе с Г. П. Кондратьевым завел на казенном участке земли близ

Сухума и Ново-Афонского монастыря на черноморском побережье пасаку.

В сентябре 1879 г. с Кавказа Ал. Мих. отправился на всемирный съезд пчеловодов и выставку пчеловодства в Прагу, куда он был делегирован от И. В. Э. О., захватив с собой несколько семей кавказских пчел. Знатоки пород пчел, бывшие на выставке, заявляли, что кавказские пчелы—благородные пчелы.

Ничего особенного на Прагской выставке Ал. Мих. узнать не удалось, но он подробно ознакомился с постановкой пчеловодного дела в Чехии. Вот результаты, которые он сообщил в докладе И. В. Э. О-ву 11 октября 1879 г. В Чехии в 1776 г. были устроены 3 пчеловодных школы из них одна в Вене и одна в Моравии. В земледельческой школе в Каадене пчеловодство составляет обязательный предмет. В учительской семинарии в Лейтмерице также преподается теоретическое пчеловодство. Некто обер-аудитор Венцель-Шопер в Людитце определил капитал (2000 гульденов) для того, чтобы на проценты с него начиная с 1862 г. выдавалась премия тому учителю, который хорошо выдержит пчеловодный экзамен в собрании пчеловодного общества. В Богемии и Германии имелись особые, раз'езжающие по стране, преподаватели пчеловодства. 13 сентября 1852 г. в Богемии образовалось первое пчеловодное общество, во время выставки оно издавало свой журнал „*Bienenvater aus Böhmen*“. Впоследствии в Праге возникли еще 2 общества, а вместе с тем и раз-

личные пчеловодные газеты. 13 лет издается „Cesky Vcela“ („чешский пч-д“) другая называется „хрудимская пчела“ (Vcela chrudimska). Все общества имели в своем составе более 1000 чл. На всемирную выставку Прага выставила более 50 пчеловодов, а всего пчеловодов на выставке участвовало несколько сотен. При сообщении этих сведений Бутлеров невольно упрекнул петербургских пчеловодов за их необщительность: на заседание пчеловодной комиссии обыкновенно является человек 10—12. Свой доклад Ал. Мих. закончил следующими словами: „невольно напрашивается при этом сравнение с Россией и приходишь неотразимо к заключению, что нам следует приложить всевозможные усилия, для того, чтобы наше отечественное пчеловодство поскорее вошло в фазу процветания на рациональных началах. Что такое процветание настанет несомненно и мы *обязаны* стремиться к нему—*это доказывается* с достаточной ясностью примером Чехии“.

В 1877 году во время доклада в И. В. Э. 0. о кавказских пчелах и пчеловодстве на Кавказе Бутлеров поднял вопрос об открытии пчеловодных школ для подготовки пчеловодов. Разработка и обсуждение этого вопроса было поручено пчеловодной комиссии.

Первая пчеловодная школа в России и Европе была создана в начале 1800 года в с. Пальчиках Черниговской губернии Прокоповичем, почти не

оставившем печатных трудов. Авторитет школы был громадный. Ученики стекались со всех сторон. Школа получила официальное положение и получила пособие. Окончившие эту школу, по словам Вас. Ризниченко, освобождались от военной службы. Так дело шло при самом Прокоповиче. Со смертью основателя, школа перешла в ведение его наследников. К несчастью приемники выдающегося пчеловода оказались людьми ограниченными, для которых развитие пчеловодства остановилось со смертью основателя школы. По их понятиям больше Прокоповича никто открыть в пчеловодстве ничего уже не может. Учеников заставляли наизусть учить предания, оставшиеся от Прокоповича и записанные его учениками. Школа начала пустеть и со смертью наследника Прокоповича Велиждана в августе 1879 года, закрылась около 1880 года.

Пчеловодная комиссия при В. Э. О. начинает хлопотать об открытии новой школы пчеловодства. В 1879 году комиссия сносится с земскими управами относительно открытия школ. Выхлопывает пособие комиссии пчеловодства при Киевском о-ве естествоиспытателей в 400 руб. на открытие школы и пасеки. В 1880 году комиссия вносит предложение об открытии пчеловодной школы в Пензе на средства министерства государственных имуществ и в Тверской губ. на средства И. В. Э. О-ва.

В результате всех ходатайств открылись две пчеловодные школы: одна в Пензе под руководством И. С. Кулланда и другая Бурашевская школа в Тверской губ.

Бурашевская школа открыта 22 апр. 1884 г. Принимались окончившие курс народных училищ; курс обучения пчеловодству трехлетний. За полный пансион платилось 150 руб. в год. Пасека вначале состояла из 16—18 семей. Школа не вполне удовлетворяла своему назначению, что видно из количества учеников: в 1884 г.—2 чел., в 85 г.—5 ч., в 86 г.—10 ч. В 1887 году в школе были введены занятия по садоводству и огородничеству—учеников 17 чел. Начиная с 1888 года устанавливается комплект в 20—30 чел. Первый выпуск в 1888 году дал 6 чел. В последующие годы школа выпускала по столько же. В конце 1893 года за все время существования школы окончил 38 чел., а израсходовано за этот период более 57000 руб., т.-е. каждый окончивший обошелся в 1500 руб. В 1897 году школа из-за недостатка средств в И. В. Э. О-ва была передана Тверскому губернскому земству. После передачи дела пошло не лучше. Выпуски по-прежнему были малы, а расходы велики. Каждый окончивший обходился свыше 1000 руб. В 1900 году окончил курс—1 ч., 1901—5 ч., 1902 г.—3 чел., 1903 г.—5 чел. Громадные расходы зависели от неудобно выбранного места под школу: бесплодная почва, недостаток воды, дороговизна удобрений и отсутствие взятка для пчел. Школьная пасека иногда доходила до одного улья. Губернское земство несколько раз подымало вопрос о переносе школы в другое место, но все эти попытки оканчивались почему-то неудачно. Наконец, 10 апреля

1906 года Тверское губернское земство утвердило доклад губернской управы о закрытии Бурашевской школы пчеловодства. Школа просуществовала 22 года, выпустив 78 человек.

В 1882 году А. М. Бутлеровым на Всероссийской выставке был организован отдел пчеловодства, который, за недостатком места, был разбросан в нескольких местах. В главном здании выставки в с.-х. отделе находились 3 громадные витрины, предоставленные произведениям пчеловодства. Здесь можно было увидеть и белоснежные медовые соты, присланные с Украины, различные фигуры из сотового меда, воск в кругах и т. д. Для развлечения посетителей был выставлен стеклянный улей с пчелами. Ульи, центробежки и принадлежности пчеловодства пришлось поместить в отделе сельско-хозяйственных орудий. Самым же интересным местом пчеловодного отдела была пасека И. В. Э. О., открытая с 20 июля по 10 авг. Пасека представляла из себя полукруглое пространство, огороженное крытой галлереей, у которой сторона, обращенная к пасеке, была затянута сеткой, через которую посетители могли без боязни наблюдать за пчелами. Благодаря полукруглой формы галлерей, все посетители одинаково видели происходившее на пасеке. А там происходило довольно интересное. Каждый день в определенные часы являлся Бутлеров и читал лекции на пчеловодные темы. Все свои лекции он начинал сло-

вами: „Выставку нельзя рассматривать как представительницу состояния русского пчеловодства“, а оканчивал демонстрациями пасечных работ. Здесь производилась и разборка гнезд, и искусственное роение, и перегон из колоды в рамочный улей, и многое другое из практики рационального пчеловодства. Были примеры, что мужички из далека приезжали посмотреть на пчельник и на обращение там со пчелами. Газета „Всероссийская выставка“ рассказывает, что один крестьянин после беседы

Ал. Мих. сообщил репортеру на вопрос, как он поступит со своими ульями, „мы теперь на убой уже более не купим“. Этот ответ весьма возможен, так как „лекции Ал, Мих. во многих отношениях были образцовыми по уменью осветить предмет, доступно и в то же время в высокой степени изящно изложить его“. „Его ясность изложения, облеченная в форму изящной, живой речи, чуждой всяких замашек искусственного красноречия, постоянно привлекала слушателей, с полным вниманием, но без напряжения следивших за его лекциями“.

Во время работ с пчелами пчеловоды выходили из галереи на самую пасеку, а посторонние, кто боялся пчел, оставались в галерее за решеткой. Пчелы вели себя необыкновенно смирно. Ужаления происходили крайне редко, что побуждало и боязливых посетителей выходить на пасеку.

По ходатайству Бутлерова Гольцеву была разрешена продажа на выставке меда и пряников. Он же из 10% комиссионных взялся продавать

и пчеловодные издания. Но литература шла не особенно хорошо, всего продано: „Пчелы" Бутл. около 330 экз., книги Берлепта—25, пчеловодных таблиц—254, „Правильного пчеловодства" Бутлерова—883 экз. Особая надежда была на последнюю книжку, составленную Бутлеровым специально для выставки и цена ее была 5 коп. Ал. Мих. думал, что у нас дешевая литература пойдет так же, как и на выставке в Праге, где дешевые издания расхватывались тысячами.

Кроме просветительной деятельности Бутлерова, на выставке необходимо отметить еще организацию им отдела пчеловодства при Имп. Русск. Об-ве Акклиматизации животных и растений. Во время выставки вокруг Ал. Мих. собрался кружок Московских пчеловодов. У некоторых членов этого кружка возникла мысль о закреплении этой организации на все время, чтобы пчеловоды теории и практики имели возможность на заседаниях этого кружка обмениваться своими мнениями. В годичном заседании отдела беспозвоночных животных при И. Р. О. А. ж. и р. (27 июля 1882 г.) Ал. Мих. предложил организовать отделение пчеловодства. Отдел беспозвоночных животных решил ходатайствовать перед общим собранием О-ва об учреждении при О-ве отдела пчеловодства. Общее собрание отнеслось сочувственно к этому предложению и при О-ве появился отдел пч-ва, существующий и по настоящее время. Заведующим отделом был избран Бутлеров. 18 ноября 1882 г. было открыто первое заседание отдела пчеловод-

60

ства президентом О-ва проф. А. Ю. Давыдовым. В первый год существования отдел имел в заседаниях, на которых было заслушано 15 докладов. При отделе были организованы библиотека, бюро по снабжению пч-дов орудиями пчеловодства. Впоследствии издание „Русск. Пч. Листка“, во время редакторства проф. Кулагина перешло от И. В. Э. О. к отделу пч-ва при И. Р. О. А. жив. и раст., в ведении которого и находилось до прекращения существования журнала.

В 1882 году Ал. Мих. в одном из заседаний И. В. Э. О. поднял вопрос о фальсификации пчелиного воска церезином. Им было предложено несколько мер для борьбы с этим злом. Ал. Мих. понимал, что для борьбы с фальсификацией воска необходимо дать способ для определения примеси церезина к воску, поэтому на том же заседании он предложил способ Фаворского, выработанный в лаборатории Бутлерова. Считаю не лишним привести этот способ, как он описан Бутлеровым. „Для определения подмеси церезина в воске употребляется смесь из 1 ч. амилового спирта и 2 ч. (по объему) винного 95%. Пчелиный воск растворяется в этой смеси во всех пропорциях.

Для определения берется 15 куб. сант. смеси спиртов на каждый 1 гр. испытуемого воска. Условия опыта: берется сосуд такого вида, чтобы нерастворимое вещество, застывая в нем, приняло удобную форму и могло быть легко вынуто; со-

суд этот со смесью спиртов и пробой воска погружается в кипящую водяную ванну и остается в ней до тех пор, пока воск не расплавится и жидкость в сосуде не закипит, при чем, однако, не должно быть допусваемо улетучивание из сосуда жидкости. Когда кипение наступило, то сосуд вынимается из ванны, закрывается пробкой, возможно старательней взбалтывается и снова, на некоторое время, минут на 5, ставится в ванну. Затем ванну перестают нагревать и дают сосуду вместе с ванной охладиться. Потом вынимают его из ванны, а эту последнюю опять нагревают до кипения и когда вода закипит, то удаляют огонь и снова опускают в нее сосуд. Спустя 15—20 мин. после того, как испытуемое вещество расплавится, сосуд вынимают из ванны и охлаждают; собравшийся на дне нерастворимый компактный осадок вынимают и взвешивают.

По опытам Фаворского, нерастворимый остаток равен средним числом 80—90 % всего церезина, заключающегося в анализируемом воске".

VI.

„Не находим мы слов, которые могли бы высказать тяжелое **состояние** нашей души, при сознании величайшей потери, какую мы понесли в угасшей драгоценной жизни Александра Михайловича“.

Ст. Турчинович.

В марте 1886 года Ал. Мих., желая достать со шкафа книгу, с обычной живостью движений, привстал на носке левой ноги,—и в этот момент почувствовал на одно мгновение сильную боль под коленкой. Это была роковая боль. Ввиду того, что боль была мимолетна Ал. Мих. не обратил на нее внимания, но через несколько дней появилась боль которую он об'яснял ревматизмом.

24 марта он писал профес. Марковникову: я в настоящую минуту вожусь с ревматизмом в левой ноге в колене и икре, но все-таки на днях еду в Закавказье пробовать чай. В мае, вероятно, понаду в Москву и увидимся“. В этом письме Ал Мих говорит о чайных кустах, найденных им в 1885 году около Сухума. Опыт приготовления чая из их листьев дал положительные результаты.

Для дальнейших наблюдений Ал. Мих. и решился ехать в Сухум весной 1886 года.

24 марта Бутлеров был последний раз на заседании пчеловодной комиссии при В. Э. 0. При этом не лишне будет отметить, что живя в Петербурге, Ал. Мих. не менее одного вечера в неделю уделял на заседание пчеловодной комиссии, вел переписку с пчеловодами всей России, хлопотал в министерстве об учреждении и усовершенствовании пчеловодных школ, о разрешении пересылки пчел почтовыми посылками, по железным дорогам, на пароходах, о мерах борьбы с фальсификацией воска и т. д. При этом он читал публичные лекции, руководил переводами, редактировал пчеловодную периодическую литературу.

Боль в ноге усиливалась и пришлось обратиться к врачу—хирургу (по совету близко знакомого А. М. врача В. М. Бородулина) Троянову, а несколько дней спустя, когда образовалась отечная опухоль на икре, в помощь к Троянову, по его просьбе пригласили доктора Мультиановского. Жидкость из опухоли была удалена высасыванием, но на следующий день появилась опухоль в коленном суставе. Ногу положили в футляр. 29 марта Ал. Мих. писал Марковникову: „L'homme propose. Dieu dispose! (Человек предполагает, бог располагает), вместо Кавказа я очутился в кровати, куда меня уложили с забинтованной ногой”.

В половине апреля А. М. было разрешено встать на костыли. 18 апреля он писал опять Марковникову: „Я медленно уллучшаюсь—так, говорят, и быть

должно. Хожу на костылях и вспоминаю пословицу: „Gedula uberwindet sanerkraut“. [Терпение преодолевает всякую гадость (дословно: кислую капусту)].

В конце мая, опираясь на костыли, Ал. Мих. мог выехать в свою деревню Бутлеровку, Спасского у., Казанской губ. Врачи резко запретили ему резкие движения: ходить на охоту, садиться на корточки перед ульями и т. п. До августа месяца отек не пропадал и в ноге чувствовалась характерная боль—нога была как бы чужая.

4 августа А. М. уже не в первый раз ездил на охоту. Но в этот день он особенно много двигался. Возвратясь домой он уже не чувствовал никакой боли в ноге—нога стала его собственная.

6 августа с утра А. М. был в великолепном состоянии духа. Работал в поле—устанавливал новую дисковую борону. Осматривал хозяйство и к обеду явился в самом веселом настроении духа. С аппетитом пообедал вместе с женой (Над. Мих.), после обеда попросил жену сходить посмотреть, как идет новая постройка флигеля—до обеда он не успел зайти на нее. Немного спустя после ухода жены с ним сделалось дурно, появились рвотные припадки, головокружение — он упал в кресло. По возвращении жены он при помощи ее перебрался в постель. Рвотные припадки и сильнейшее головокружение не прекращались—к ним присоединился холодный пот и почти полное прекращение пульса. Ал. Мих. жаловался на сильную ломоту в груди и руках. „Приемы эфира, дыха-

ние нашатырного спирта, погружение рук в горячую воду и т. п., как будто облегчили страдания Ал. Мих. У него появилась сильная зевота и он даже надеялся заснуть. Но появилась ужасная боль в руках, нестерпимое, до слез, сильное стеснение в груди, слабость сердца и затруднительное дыхание. Обращаясь к жене он сказал: „смерти я не боюсь, но настоящее состояние невыносимо тяжело“. Прибегли к новым приемам эфира и возбуждающим средствам. Ал. Мих., пытаясь подняться с подушки при помощи жены, закатил глаза, лицо его судорожно передернулось и на руках Над. Мих. осталось бездыханное тело Александра Михайловича“.

Прибывший на следующий день из Казани доктор А. М. Дохман об'яснил смерть закупорением артерии тромбом, образовавшимся в ноге. 4 августа во время быстрых движений на охоте тромб из ноги был унесен потоком крови. Благодаря этому Ал. Мих. и получил облегчение— „нога стала своя“. Будь Ал. Мих. осторожнее в движениях тромб постепенно мог бы рассосаться. К сожалению врачи не предупредили Ал. Мих. о возможности образования тромба.

Похороны состоялись 9 августа 1886 года. Похоронен Александр Михайлович, по завещанию, в $\frac{1}{2}$ версте от усадьбы на деревенском кладбище. На похороны прибыли из Казани: в качестве представителя от Казанского О-ва естествоиспытателей

доктор А. М. Дохман, от Казанских химиков—ученых проф. Сорокин, которые привезли по венку. Тогда же были доставлены венки от Казанского ун-та и физико-математического факультета Казанского ун-та. Кроме того приехал проф. технической химии Канонников.

Умер Бутлеров в звании заслуженного проф. Петроградского ун-та, ординарного академика Императорской академии наук и проф. химии Высших женских курсов, состоя почетным членом университетов: Казанского, Киевского и Московской медицинской академии и различных об-в в России и за границей.

„Насколько глубоко известие о смерти Ал. Мих. поразило всех знакомых покойного или имеющих понятие о его великих заслугах, видно из того молчания, с которым отнеслись общество и пресса к известию о его смерти. Первоначально почти везде в газетах и журналах встречалось только короткое известие о неожиданной утрате" (проф. Г. И. Лачермарк).

Всего сильнее горевали по Ал. Мих. пчеловоды. Лучше всего будет познакомиться с собственными словами пчеловодов по этому предмету, а потому я и разрешу себе привести выдержки из статей посвященных памяти Бутлерова в „Русск. пч. листке„ за 1886 год.

„Мы лишились доблестного гражданина, великого учителя и отца российского пчеловодства. Александр Михайлович любил пчелу и был так же неутомим и трудолюбив как она! Пусть же тихое

жужжание ее осеняет могилу великого пчеловода; пусть веселый шум пчел навеваает мирный вечный сон на сомкнутые вежды нашего Ал. Мих. Для осуществления этой мысли я полагал бы **поставить** над могилой Ал. Мих. памятник, внутрь которого поместить с пчелами улей его системы и таковой поддерживать на вечные времена".

10 авг. 1886 г. **ст.** Калуга, Р. В. *О. Недоходовский.*

„Не находим мы слов, которые могли-бы выказать тяжелое состояние нашей души, при сознании величайшей потери, какую мы понесли в угасшей драгоценной жизни Ал. Мих.".

Стефан Турчинович.

„Благодаря ему и только одному ему, оно пробудилось от векового сна и сделало большие успехи за 15 лет его деятельности на этом поприще... По окончании панихиды **крестьяне-пчеловоды** **изъявили** желание внести имя покойного в свои семейные памянники **для** вечного поминовения".

18 авг. 1886 г. **Суджа.**

В. И. Подольский.
